

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.56>

Чжао Янь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТОИМЕНЕЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ

В статье обращается внимание на использование местоимений первого лица как способ речевого вовлечения, значимый для президентского дискурса. Эффект вовлечения рассматривается как следствие употребления местоимений "я" и "мы", их косвенных форм и соответствующих синтаксических конструкций. Определяются речевые смыслы местоимений "я" и "мы" в президентском дискурсе: местоимение "я" передает значение достоверности, позволяет выразить мнение говорящего, создать положительный образ оратора; местоимение "мы" служит для выражения единства говорящего и аудитории, утверждения общности интересов и целей. В частности, отмечается, что местоимение "мы" в речи российского президента выражает пять контекстуальных смыслов, отражающих установку на вовлечение как ближнего, так и дальнего круга адресатов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 260-264. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Казакевич О. А. Смещение и переключение кодов в речи северных селькупов // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: URSS, 2000. С. 14-21.
5. Кибрик А. А., Подлесская В. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2009. С. 390-395.
6. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2014. № 5. С. 53-59.
7. Хилханова Э. В. Некоторые лингвистические следствия и механизмы переключения кодов в речи бурят-билингвов // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 6 (51). С. 114-121.
8. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 392 p.
9. Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6. № 2. P. 167-190.
10. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 364 p.

**DISCURSIVE MARKERS IN BILINGUAL SPEECH:
PROBLEMS OF TYPOLOGY AND PRINCIPLES OF FUNCTIONING**

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Khilkhanov Dorzhi L'vovich, Doctor in Sociology, Associate Professor
East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude
erzhen133@mail.ru; dorjikh@mail.ru

The article examines the poorly studied problem of discursive markers in bilingual speech, considers their typologization and principles of functioning by the example of the Buryat-Russian bilingual discourse. The paper provides a brief survey of the existing classifications and suggests the authors' original functional-semantic classification of discursive markers. The authors conclude that in bilingual discourse, in the situation of language contact, there appears a tendency for the frequent use of discursive markers from the majority language (Russian). It turns out that discursive markers are used to express meta-textual relations and to transfer subjective, deictic information, whereas propositional information is expressed in the minority language.

Key words and phrases: discursive markers; functional-semantic classification; Buryat-Russian bilingual discourse; code switching; language shift.

УДК 811.161.1'38

Дата поступления рукописи: 01.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2019.7.56>

В статье обращается внимание на использование местоимений первого лица как способ речевого вовлечения, значимый для президентского дискурса. Эффект вовлечения рассматривается как следствие употребления местоимений «я» и «мы», их косвенных форм и соответствующих синтаксических конструкций. Определяются речевые смыслы местоимений «я» и «мы» в президентском дискурсе: местоимение «я» передает значение достоверности, позволяет выразить мнение говорящего, создать положительный образ оратора; местоимение «мы» служит для выражения единства говорящего и аудитории, утверждения общности интересов и целей. В частности, отмечается, что местоимение «мы» в речи российского президента выражает пять контекстуальных смыслов, отражающих установку на вовлечение как ближнего, так и дальнего круга адресатов.

Ключевые слова и фразы: речевое воздействие; речевое вовлечение; позитивная коммуникация; президентский дискурс; личное местоимение; языковые средства.

Чжао Янь

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
Северо-Восточный нефтяной университет, г. Дацзин, Китай
zhaoyannajia@yandex.ru*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТОИМЕНЕЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ**

Понятие «речевое вовлечение» стало предметом изучения в российской лингвистике относительно недавно. Вместе с тем в работах российских ученых гораздо чаще используются понятия «вовлечение/вовлеченность», поскольку английские термины “involvement” и “engagement”, переводимые соответствующим образом, «с одной стороны, синонимичны, а с другой – имеют определенные сочетаемостные традиции и специализацию» [2, с. 134]. Понятие «вовлечение/вовлеченность» в науке не имеет четкого определения. В качестве речекommunikативного явления вовлечение/вовлеченность (ср. вовлеченность в коммуникацию, интеракцию) трактуется как «степень погруженности в ситуацию, разговор, взаимодействие» [Там же, с. 135], как «степень когнитивного и поведенческого участия в коммуникативном процессе» [1, с. 65], как «степень когнитивной

и поведенческой задействованности в разговоре, отношениях, ситуации» [9, р. 463]. Д. Бургун и Д. Кокер также отмечают, что вовлеченность является основной составляющей любой коммуникативной трансакции, от которой зависит ее успех [Ibidem]. Д. ДеВито предлагает считать, что вовлеченность – один из основных принципов эффективного общения, и ее следует рассматривать как активное участие во взаимоотношениях [10, р. 8].

Изучение разновидностей, стратегий, технологий и конкретных средств речевого вовлечения в различных типах персонального и институционального дискурса является актуальной задачей современной коммуникативной лингвистики. При этом само понятие вовлечения как целенаправленного изменения сознания и поведения объекта воздействия, побуждающего его к участию в чем-либо или к выполнению тех или иных действий, тесно связано с такими категориями теории речевой коммуникации и риторики, как «позитивная коммуникация» и «коммуникативная компетенция». Для достижения успеха в общении (иными словами, для осуществления позитивной вовлекающей коммуникации) его участникам необходимо овладеть определенными социокультурными нормами и стереотипами (коммуникативной компетенцией), а также ораторским мастерством.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования определяется его включённостью в контекст современных проблем политической лингвистики, критического дискурс-анализа и риторики – лингвистических направлений, исследующих феномен речевого вовлечения. Кроме того, актуальным является и сам опыт исследования российского президентского дискурса в аспекте стратегий и техник речевого вовлечения аудитории.

Эффективное вовлечение слушающего в речевое взаимодействие осуществляется посредством использования языковых средств: «...вовлечение основано на воздействии – разными средствами, в т.ч. и речевыми, – вовлекающего, имеющего явное или скрытое (вуалируемое) намерение побудить вовлекаемого к определенным действиям, изменить его поведение» [7, с. 459]. В речи (дискурсе) существует множество приемов, реализующих вовлечение, таких как употребление местоимений, тропов, повторов и т.п., однако в данной статье особое внимание будет уделено использованию в президентском дискурсе личных местоимений, указывающих на лица, которые прямо или косвенно участвуют в коммуникативной ситуации. Личные местоимения имеют морфологический признак лица (1 лицо – я, мы; 2 лицо – ты, вы; 3 лицо – он, она, оно, они) и в вербальной коммуникации выражают соотношение субъектов речи и субъектов действия. Форма 1 лица (я, мы) указывает и на субъектов речи, и на субъектов действия, при этом «я» указывает на говорящего, а «мы» – на группу лиц, включающую говорящего. Следует отметить, что в речевой коммуникации «мы» также может употребляться и в значении «я».

Цель данной статьи – проанализировать использование местоимений первого лица в президентском дискурсе В. В. Путина. Материалом исследования являются его Послание Федеральному собранию 2018 г. [6], выступление на Манежной площади 18 марта 2018 г. [4] и «Обращение к гражданам России 23 марта 2018 г.» [5]. Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**: осуществление сплошной выборки из материала синтаксических конструкций, содержащих личные местоимения и глаголы в форме первого лица; количественный анализ частотности двусоставных и односоставных предложений с грамматическими показателями первого лица; анализ смысловых вариантов использования личных местоимений «я»/«мы» и эллипсированных конструкций без данных местоимений; интерпретацию выявленных речевых средств в качестве основы речевого вовлечения аудитории в президентский дискурс. Решение данных задач определяет и **научную новизну** работы: на материале текстов актуальных политических выступлений президента В. В. Путина изучены средства речевого вовлечения, основанные на использовании местоимений 1 лица и соответствующих личных глагольных форм.

Анализ названных выступлений показывает, что в речах В. В. Путина вовлечение аудитории в дискурс осуществляется при помощи использования местоимения «я», которое употребляется относительно нечасто. В анализируемых президентских речах наблюдается следующая частотность употребления «я» в подходящих для этого конструкциях: в Послании 2018 г. 19,1% личных конструкций с «я» и 80,9% с эллипсисом (пропуском «я») [6]; в выступлении на Манежной площади 18 марта 2018 г. – 50% / 50% [4]; в «Обращении к гражданам России 23 марта 2018 года» – 23,8% / 76,2% [5] соответственно. Эллипсис «я» смягчает категоричность высказывания и понижает степень субъектности речи, таким образом, в публичных выступлениях местоимение «я» чаще опускается.

Употребление местоимения «я» позволяет создать атмосферу достоверности в общении, помогает говорящему высказать собственное мнение, позицию, представить себя в выгодном свете, продемонстрировать активную роль в какой-либо деятельности, создать свой положительный образ и тем самым повлиять на сознание и мышление адресата в целях вовлечения его в дискурс (шире – социокоммуникативную практику).

Для выражения собственного мнения говорящего, отличного от другого мнения, местоимение «я» часто употребляется в роли подлежащего; похожую функцию выполняют определенно-личные предложения с эллипсисом «я», такие как *я говорю, я думаю, я считаю, понимаю, предлагаю, я знаю* и т.п., ср: *«Роль, позиции государства в современном мире определяют... я говорил уже об этом... прежде всего люди...»* [6]; *«Я думаю, что... у каждого из нас есть родные, близкие, друзья, которых настигла эта беда – рак. Предлагаю реализовать специальную общенациональную программу по борьбе с онкологическими заболеваниями, активно привлечь... провести... выстроить... систему... которая... позволит защитить человека»* [Там же]; *«Хорошо знаю и о наших проблемах... о снижении доходов, недостатках в здравоохранении, ЖКХ, других сферах»* [5]; *«Считаю, что такая мощная гражданская активность, ваша ответственность, консолидация чрезвычайно важны»* [Там же].

В приведенных выше примерах местоимение «я» используется для передачи некоторой информации адресату, выражения мнения, позиции или инициативы оратора с целью привлечения других к взаимодействию. Весьма частотны глаголы, выражающие речемыслительную деятельность: *думаю, знаю, считаю, понимаю* и т.д. Они выступают в основном в роли пропозициональных установок, а также в роли дискурсивов.

Выражая надежду, пожелание, благодарность, автор речи оперирует такими вербальными конструкциями с «я» или без «я», как *надеюсь, рассчитываю, хочется, чтобы, хочу поблагодарить, хочу сказать спасибо* и т.д.; ср: «**Надеюсь**, что все, что было сказано сегодня, отрезвит лобозоглавого потенциального агрессора...» [6]; «**Рассчитываю**, что такая оценка связана и с той работой, которая уже сделана, с теми позитивными результатами, которых мы уже достигли вместе в предыдущие годы» [5]; «...**мне очень хочется**, чтобы те проблемы, которые ставили граждане, были решены как можно быстрее» [Там же]; «**Поблагодарил** своих сторонников, всех, кто участвовал в выборах, – в эту ночь это было своевременно и необходимо» [Там же]. В указанных фрагментах подразумеваемое или прямое употребление местоимения 1 лица связано с выражением интенций адресанта, содержание которых ориентировано на других субъектов (например, агрессора, соратников, сторонников, граждан и т.д.), транслируется либо с учетом их реакций (например, одобрительной оценки, поддерживающего голосования), либо с расчетом на таковые (например, на то, что кто-то одумается, займется решением поставленных проблем и т.д.). Это свидетельствует как о включенности оратора во взаимодействие с аудиторией, так и о его готовности получить определенную реакцию, вызванную выступлением.

Кроме того, в президентской речи используются такие речевые формулы, как *особо подчеркну, хочу подчеркнуть, хотел бы подчеркнуть; хочу особо отметить; особо отмечу; должен сказать; убежден, что; повторю, напомню* и т.п. Данные выражения позволяют не только передавать намерения президента, но и контролировать активность слушателей, управляя их вниманием, стимулируя их познавательную деятельность и эмоциональные состояния, ср: «**Особо подчеркну**: растущая военная мощь России никому не угрожает» [6]; «**Напомню**, что в 2000 году за чертой бедности находились 42 миллиона человек, это почти 30 процентов – 29 процентов населения страны. В 2012 году нам удалось снизить этот уровень до 10 процентов» [Там же]; «**Хочу подчеркнуть**, что повышение производительности труда – это и рост заработной плат...» [Там же]; «**Уверен**, вместе мы обязательно добьемся успеха» [5].

В выступлениях В. В. Путина также используются как сочетания местоимения «я» со словами, обозначающими прямое обращение к адресату (например: *я обращаюсь к кому-н., я хочу обратиться к кому-н., я хотел бы обратиться к кому-л.*), так и выражения с эллипсисом «я». При этом говорящий склонен выбирать языковые средства, побуждающие к солидаризации самые разные социальные группы адресатов, ср: «**Обращаюсь к тем гражданам России, которые голосовали за других кандидатов... Мы все патриоты своей страны, и у нас одна, общая забота – судьба России, её процветание**» [Там же]; «**Хотел бы обратиться ко всем общественным, политическим силам страны**» [4]; «**Хочу обратиться и к тем, кто здесь сегодня собрался, и к нашим сторонникам со всей территории нашей огромной страны...**» [Там же]. В приведенных примерах напрямую упоминается целевой адресат, что помогает адресанту установить контакт с аудиторией, привлечь её внимание и реализовать коммуникативное намерение.

Таким образом, использование личного местоимения «я» и определенно-личных глагольных форм первого лица осуществляется, как правило, для достижения следующих целей: 1) для выражения мыслей говорящего, его мнения, предложения, надежды, пожелания, благодарности и т.д. как интенций, содержащих в себе установку на адресата; 2) для контроля за познавательно-эмоциональными состояниями аудитории; 3) для прямого обращения к другому лицу.

В президентском дискурсе местоимение «я» используется для того, чтобы подчеркнуть причастность говорящего к смыслу речи и/или к действию, контролировать внимание слушающего. Однако употребление «я» может приводить и к субъективности ораторского высказывания. Поэтому чаще всё же используется форма личного местоимения множественного числа – «мы», которая в общем случае указывает на то, что говорящий выступает представителем коллектива, отстаивает интересы слушателей, причем «мы» служит для установления контакта и психологического сближения с аудиторией.

С. П. Хорошилова утверждает, что форму «мы» можно отнести к средствам внешней диалогизации речевого воздействия [8, с. 132]. В политическом дискурсе использование «мы» может быть связано с «презумпцией включенности в коллектив», благодаря чему человек ощущает себя частицей некоего подразумеваемого социума [3, с. 60].

В выступлениях В. В. Путина местоимение «мы» используется довольно часто. В анализируемых выступлениях наблюдается следующее распределение рассматриваемых средств: в Послании 2018 г. 87,8% употреблений «мы» и 12,2% эллиптических конструкций [6]; в выступлении на Манежной площади 18 марта 2018 г. – 90% / 10% [4]; в выступлении «Обращение к гражданам России 23 марта 2018 г.» – 87,5% / 12,5% [5] соответственно. Данные свидетельствуют о том, что прямое использование местоимения «мы» превалирует над употреблением конструкций, в которых это местоимение только подразумевается. Иными словами, президент, устанавливая более близкие отношения с аудиторией, предпочитает фразы с эксплицитным местоимением «мы». Использование местоимения «мы» выражает присоединение говорящего к слушающим для установления контакта с ними и, в конечном счете, для убеждения в чем-либо и/или призыва к какому-либо действию. Прибегая к этому приему, автор показывает, что видит в аудитории единомышленников, пытается создать более доверительную атмосферу, сформировать «узлы общности» и представление о наличии общих целей и интересов.

«Мы» в речи президента приобретает разные смыслы. Рассмотрим соответствующие конструкции и их внеязыковой контекст, поскольку «при употреблении местоимения 1-го лица множественного числа никогда не ясно, кто же именно входит в это *мы*» [11, р. 164]. В речи президента В. В. Путина можно выделить по крайней мере 5 смысловых разновидностей употребления местоимения «мы», направленных на то, чтобы вовлечь адресата в дискуссию, сделать его частью какой-либо деятельности или действия:

1. Мы = я + администрация; примеры: *«Мнение людей, каким быть их городу или поселку, должно быть решающим. Мы об этом не раз говорили, в том числе на встречах с руководителями муниципалитетов»* [6]; *«...те проблемы, которые ставили граждане, были решены как можно быстрее, – мы будем к этому стремиться»* [5].

В приведенных случаях говорящий объединяется с членами правительства, намекая исполнительной власти на необходимость прислушиваться к мнению граждан, решать поставленные перед ней задачи. При этом оратор не противопоставляет себя правительству, подчеркивая тем самым личную ответственность за исполнение обязательств.

2. Мы = я + все патриоты; пример: *«Политические предпочтения не должны разделять нас. Мы все патриоты своей страны, у нас одна, общая забота – судьба России, её процветание»* [Там же].

Использование «мы» в данном контексте свидетельствует о том, что президент высказывает пожелание объединиться со всеми патриотами (здесь подразумеваются и другие кандидаты по выборам, и их сторонники), стремится наладить диалог с ними и призвать их к работе на благо страны.

3. Мы = я + все сторонники; пример: *«Спасибо, что у нас такая мощная многомиллионная команда. Нам ждет успех!»* [4].

Президентские выборы 2018 года выиграл В. В. Путин, что тесно связано с поддержкой его сторонников. Форма личного местоимения «мы» передает, что политик и его сторонники принадлежат к одной сплоченной команде, с которой оратору предстоит вместе идти к успеху.

4. Мы = я + все граждане России; примеры: *«...как ответим на ее вызов, зависит от нас...»* [6]; *«Нам надо быть смелыми в замыслах, делах и поступках... становиться сильнее... менять мир, жизнь страны к лучшему, создавать Россию, о которой мы вместе мечтаем...»* [Там же].

Используя местоимение «мы» и его формы, президент указывает на важность совместных усилий для возрождения, развития и модернизации России.

5. Мы = Россия и партнеры; пример: *«Даже если наши позиции в чем-то не совпадают, все равно мы остаемся партнерами... нам вместе отвечать на сложнейшие вызовы, обеспечивать всеобщую безопасность, строить будущий мир...»* [Там же].

Посредством формы «мы» адресант заявляет о важности партнерских отношений, о стремлении к созданию безопасного, благополучного и прекрасного будущего. Это позволяет побудить к участию не только ближний, но и дальний круг адресатов, попытаться привлечь их к совместному действию.

В президентском дискурсе возможно использование «мы» в сочетании с такими модально-предикативными формами, как *мы сможем, мы должны, мы обязаны, нам надо, нам нужно, нам необходимо* и т.д. Посредством этого приема говорящий убеждает слушающих в том, что они способны сделать что-либо, или призывает их к совместному действию.

Анализ показывает, что употребление местоимений 1 лица помогает говорящему установить контакт с аудиторией, создать атмосферу сотрудничества и доверия, сблизиться со слушателями, следовательно, вовлечь их в диалог на основе общности интересов и целей. Использование местоимений 1 лица является одним из языковых приемов вовлечения аудитории в ситуации, к которым отсылают выступления.

Количественный и качественный анализ синтаксических конструкций, содержащих личные местоимения и глаголы в форме первого лица и используемых в президентском дискурсе В. В. Путина, позволяет **закончить**, что местоимение «я» используется менее активно, чем «мы» (аналогичные выводы можно сделать об односоставных определенно-личных предложениях). Местоимение «я» необходимо для показа индивидуальности говорящего, для акцентирования внимания слушателей на позиции и реакции оратора, его причастности к каким-либо действиям или решениям, для предвосхищения возможного участия других лиц в событиях, прогнозируемых выступлением, тогда как местоимение «мы» служит для воплощения инклюзивной и солидаризирующей интенций говорящего. При этом инклюзия и солидаризация воплощаются в пяти различных смысловых вариантах, которые дискурсивно идентифицируют говорящего в качестве участника и представителя разных социальных, идеологических и национальных общностей: (1) мы = я + администрация; (2) мы = я + все патриоты; (3) мы = я + все сторонники; (4) мы = я + все граждане России; (5) мы = Россия и партнеры. В результате интенсивное использование «мы»-конструкций позволяет психологически сблизить слушателей с оратором и установить более тесный контакт между ними.

Выявленные и описанные речевые техники, связанные с использованием глагольных и местоименных маркеров категории лица, соотносимой с субъектом речи, мысли и действия, формируют особую диалогизирующую природу президентского дискурса, создают узнаваемый речевой стиль оратора и выступают прочной основой речевого вовлечения аудитории в президентский дискурс. Это способствует повышению авторитета спикера в глазах аудитории, делает его тезисы и аргументы эмоционально близкими аудитории, что не только усиливает доверие к говорящему, но и помогает ему в реализации властных и управленческих функций.

Список источников

1. Гуляева М. А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 65-69.
2. Жукова А. Г., Катышев П. А. Речевое вовлечение в деятельность радикальной организации на страницах социальной сети // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 134-142.

3. **Норман Б. Ю.** Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Мн.: БГУ, 2009. 185 с.
4. **Путин В. В.** Выступление Путина на Манежной площади 18 марта 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=oa6vHyCCc7o (дата обращения: 01.04.2019).
5. **Путин В. В.** Обращение к гражданам России 23 марта 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57121> (дата обращения: 01.04.2019).
6. **Путин В. В.** Послание Президента Федеральному Собранию от 01.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pN4f2fBLPwI> (дата обращения: 01.04.2019).
7. **Хазимуллина Е. Е.** Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 453-469.
8. **Хорошилова С. П.** Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 11. С. 131-133.
9. **Coker D., Burgoon J.** The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns // Human Communication Research. 1987. № 13. P. 463-494.
10. **DeVito J. A.** The Interpersonal Communication Book. N. Y.: Longman, 2001. 432 p.
11. **Fairclough N.** New Labour, New Language? L. – N. Y.: Routledge, 2000. 178 p.

USE OF FIRST-PERSON PRONOUNS IN PRESIDENTIAL DISCOURSE AS A MEANS OF SPEECH INVOLVEMENT

Zhao Yan

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

Northeast Petroleum University, Daqing, China

zhaoyannajia@yandex.ru

The article deals with the use of first-person pronouns as a way of speech involvement that is significant for presidential discourse. The effect of involvement is considered as a consequence of using the pronouns “I” and “we”, their indirect forms and corresponding syntactic constructions. The verbal meanings of the pronouns “I” and “we” in presidential discourse are identified: the pronoun “I” conveys the meaning of authenticity, allows a speaker to voice an opinion and to create his positive image; the pronoun “we” serves to express the unity of a speaker and the audience and the assertion of common interests and goals. In particular, it is noted that the pronoun “we” in the Russian president’s speech expresses five contextual meanings representing the guideline to involve both “near” and “far” addressees.

Key words and phrases: speech influence; speech involvement; positive communication; presidential discourse; personal pronoun; linguistic means.